

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Б. Н. Путилов. Русский и южнославянский героический эпос. М., 1971, 312 стр.

В исследовании об итогах и проблемах изучения русских былин, относящемся к 1966 г., А. М. Астахова писала: «Изучение... русских былин ведется последнее время слишком изолированно, в основном без учета результатов изучения славянского эпоса»¹ и подчеркивала, что «возобновить на новых методологических началах историко-сравнительное изучение русского эпоса с южнославянским совершенно необходимо»². Однако в последние годы вышло несколько работ, посвященных сравнительному исследованию былин и эпоса южных славян. Особенно много и плодотворно в этом направлении работает Б. Н. Путилов. Рецензируемая книга — результат многолетних поисков. Одну из главных своих задач исследователь видит в том, чтобы последовательно применить методику сравнительно-типологического исследования к героическому эпосу славянских народов. Он справедливо замечает, что типологическая теория ориентирует славянскую фольклористику на изучение исторических закономерностей славянского эпического творчества как единого процесса, по-своему протекавшего у разных народов. Эти задачи определяют методические аспекты исследования.

В книге собран и изучен огромный материал. Широка теоретическая база исследования во многом определила успех работы. Рассматривая отражение той или иной темы в русском или южнославянском эпосе, автор привлекает большое количество песен и их вариантов.

В работе Б. Н. Путилова рассмотрены конкретные сюжеты, тех или иных былин и южнославянских песен сочетается с постановкой больших общетеоретических проблем. В этом отношении показательны разделы об общих особенностях героического эпоса, в которых дано яркое описание эпического мира, его характерных черт и закономерностей. Очень точно охарактеризованы отношения эпоса и истории. Путилов показывает, что «эмпирический материал истории, не являясь для эпоса исходным, подчиняется его художественной системе и в соответствии с особенностями этой системы подвергается переработке» (стр. 125). В этих наблюдениях обобщена одна из важнейших особенностей искусства слова в применении к народному творчеству. Жизненный материал, попадая в сферу искусства, в структуру художественного произведения, неизбежно преобразуется в соответствии с законами этой структуры.

Мы считаем верной мысль автора рецензируемой книги, что эпический, исторический и бытовой мир как бы живет по своим законам, которые, конечно, соотносятся с законами реальной истории и реального быта, но не совпадают с ними. Б. Н. Путилов убедительно показывает, что характер историзма в различных видах эпики различен. В славянском эпическом творчестве шел сложный и неравномерный по интенсивности процесс осознания истории как реальности. Путь развития народного эпоса — путь овладения реально-историческим содержанием.

Русский и южнославянский эпос характеризуется многообразием исторически сложившихся типов и жанровых форм. Традиционная классификация не учитывала многие существенные признаки эпического творчества. В основе исследования Б. Н. Путилова лежит классификация, основанная на типологических критериях. Главными из них являются: характер и своеобразие эпического мира и эпических героев, уровень историзма, характер эпической эстетики, отношение к традиции. Соображения автора и его классификация представляют нам убедительными, хотя отдельные положения и нуждаются, на наш взгляд, в некоторых дополнениях и уточнениях. Стоило, очевидно, учесть и понятие эпической среды, подробно развитое, в частности, И. Н. Голенищевым-Кутузовым. Вместе с тем имело смысл хотя бы поставить вопрос о психологии эпического творчества, с одной стороны, и о восприятии эпики — с другой. Проблемы эти очень сложны, и их постановка помогла бы более полно решить вопрос о своеобразии различных эпических систем.

В книге рассматриваются те типы славянской эпики, которые могут быть отнесены к классическому героическому эпосу: фантастико-исторический, героико-исторический и реально-исторический эпос. Соответственно этому книга разделена на три части, в каждой из которых рассматривается определенная эпическая система.

Многие из тех произведений, которые Б. Н. Путилов привлекает для анализа, уже были предметом исследования. Но автор сумел по-новому взглянуть на традиционные сюжеты, мотивы и темы. Он изучает внутренние закономерности богатого и сложного эпического мира. Применение принципов типологического изучения позволило по-новому прочитать многие тексты, увидеть в них отражение определенных стадий развития эпоса и описать их как звенья развивающейся динамичной системы и одновременно указать на их своеобразие. Каждая отдельная художественная структура предстает перед нами в неразрывной связи с действительностью, с одной стороны, и со всем сложным развитием эпоса, с другой.

¹ А. М. Астахова, Былины, М.—Л., 1966, стр. 283.

² Там же, стр. 283.

В первой части книги большое внимание уделено теме змеборства в южнославянском и русском эпосе. Очень интересны соображения автора о характере эпической традиции. Здесь уже поставлен и весьма важный вопрос о том, как типологически родственные эпические системы объясняют одна другую. Так, рассматривая былинку о Добрыне и Змее и отмечая в ней сюжетное и психологическое противоречие, Путилов замечает, что оно «легко разъясняется через южнославянские песни, в которых аналогичные по смыслу, но по-иному выраженные коллизии распределены между *двумя* самостоятельными сюжетами» (стр. 45). Эта мысль получает развитие в других разделах. Б. Н. Путилов, тонко проанализировав композицию этой былинки, показал, как столкновение различных ступеней сознания отражается в сюжетике, композиции, изображении героев.

Большое значение с точки зрения типологической теории имеет рассмотрение южнославянских песен о Марке Кралегиче и Мусе Кеседжии и былины об Илье Муромце и Соловье-Разбойнике. Как пишет Б. Н. Путилов: «Соловей-Разбойник и Муса Кеседжия находятся в разных точках одного пути, в содержании их образов отражаются различные степени реализации одного процесса. В южнославянской песне этот процесс зашел намного дальше в своих существенных моментах, в русской былинке он как бы задержался» (стр. 67). При этом автор вместе с тем отмечает, что «общность процесса относительна и ограничена рядом условий, поскольку он проходит в разных исторических и национальных плоскостях» (там же).

Б. Н. Путилов подчеркивает, что «любые эпические аналогии имеют динамический характер и могут быть по-настоящему раскрыты и поняты лишь в движении» (стр. 21). Важным является введенное автором понятие эпической преемственности.

Б. Н. Путилов говорит и о своеобразной многослойности славянского эпоса, о чертах архаики в нем. Но архаические слои и элементы интересуют его лишь постольку, поскольку они играли эпосообразующую роль в историческое время и поскольку без их выявления и анализа в классическом эпосе славян многое остается неясным. В этом отношении интересны разделы «Былины о Волге и песни о Змае — Огненном Вуке», «Былины и песни о старших и младших богатырях и юнаках».

Центральное место в рецензируемой книге занимает анализ героико-исторического эпоса, который рассматривается как ядро славянской героической эпики; здесь сосредоточены характернейшие черты славянского эпического творчества.

Рассматривая героико-исторический эпос, автор подробно анализирует большое количество сюжетов и типовых тем. Это помогает ему увидеть общее, сходное, более или менее близкое в сюжетике героико-исторических былин и юнацких песен. Наиболее отчетливо особенности историзма эпики данного типа проявляются в таких первоэлементах эпоса, как эпические конфликты, герои, фон. Но говоря, скажем, об эпическом конфликте, нельзя не сказать об эпическом времени и пространстве. Эти вопросы освещены менее подробно. Между тем из материала, привлекаемого Б. Н. Путиловым, и анализа отдельных произведений вытекает важный вывод: эпическое время есть своеобразный синтез нескольких исторических времен.

При рассмотрении отдельных разделов героико-исторического эпоса автором высказано много важных положений. Так, подчеркивая закономерность героического начала в песнях о сватовстве, автор замечает: «Здесь эпическое творчество намного раньше, чем литература, сделало попытку изображения в едином повествовании личных судеб и судеб национальных, событий частной жизни и событий большой истории...» (стр. 157).

О продуктивности темы сватовства в фольклоре Б. Н. Путилов говорит в интереснейшем разделе «Славянская эпика о сватовстве на поздних этапах». Одна линия в развитии этой эпики — появление песен, в которых важную роль играют новеллистические мотивы. Другая представлена балладами и юнацкими песнями с балладными мотивами. Соображения, высказанные автором, перспективны и с точки зрения жанровой классификации фольклора.

Каждый раз, анализируя новые песни, Путилов выдвигает и новые теоретические проблемы. Так, при рассмотрении песен о похищении жены ставится вопрос о «возрасте» тех или иных сюжетов. Сюжеты южнославянских песен о похищении женщины автор считает достаточно архаическими и традиционными. Он подчеркивает, что эта тема представлена в эпосе более раннем, и вполне оправданно выходит за пределы славянского эпоса. Думается, что такой выход был бы целесообразен и по отношению к другим темам и сюжетам, в частности к сюжету «муж на свадьбе своей жены». Это важно и потому, что, как известно, он был предметом пристального изучения у представительниц миграционной теории, выводы которых нуждаются в серьезных уточнениях или, как говорит Б. Н. Путилов, вовсе неприемлемы. В. М. Жирмунский относил этот сюжет к международным в широком смысле этого слова, восходящим к песне (балладе), новелле, сказке, легенде³. Он же писал о его распространенности и истории⁴.

Б. Н. Путилов рассматривает этот вопрос иначе. Не выходя за пределы славянского региона, он обращается к конкретному и обстоятельному анализу южнославянских песен и русских былинных версий по их мотивам и приходит к выводам о специ-

³ В. М. Жирмунский, Народный героический эпос, М.—Л., 1962, стр. 180, 186.

⁴ См., например: В. М. Жирмунский, Сказание об Алпамыше и восточная сказка, М., 1960, стр. 274—312.

фике эпического творчества у русских и южных славян. Выводы эти содержат ряд принципиально важных моментов, показывая, в частности, что понимание вариантности в применении к различным национальным эпосам наполняется особым содержанием. Типология сюжета позволяет в данном случае говорить о закономерном в процессе эпического творчества и вместе с тем о конкретных, разнообразных специфичных формах его проявления. Однако если в других главах раскрывается генезис сюжета, то здесь этого не сделано. Автор настоящей рецензии согласен с Б. Н. Путиловым, что миграционная теория в ее традиционном виде не может объяснить данный сюжет. Но если статья на ту точку зрения, что контакты в области фольклора и литературы вырастают на основе типологических схождений, два аспекта сравнительного изучения будут взаимно дополнять друг друга. К ним можно присоединить и третий — историко-генетический, которому у нас, к сожалению, перестали уделять должное внимание.

Анализируя те или иные произведения и уделяя большое внимание их сюжетам, Путилов по существу подводит нас к более глубокому теоретическому пониманию сюжета и его отдельных элементов. Исследование сюжетов неотделимо от рассмотрения процесса развития эпоса и от изучения различных микроэлементов тех или иных художественных структур.

Среди других песен Б. Н. Путилов упоминает и песни о Стояне Янковиче. Известно, что Т. Маретич и некоторые другие исследователи рассматривали этого героя как историческую личность. Впрочем, так же говорили о нем и создатели народных песен, в частности Караджич и Петранович⁵. Этой же точки зрения придерживался и такой крупный знаток сербского эпоса, как И. Н. Голенищев-Кутузов, который, впрочем, обставляет ее рядом существенных оговорок⁶. Выводы Б. Н. Путилова по данному вопросу представляются мне более убедительными. Историзм песен о Стояне Янковиче более глубок и не может быть истолкован буквально. Тем не менее возникает ряд вопросов, на которые автор рецензируемого исследования не дает ответа. На наш взгляд, стоило сказать о том, почему данный сюжет был прикреплен к известной исторической личности и почему произведения об одном герое так различны и могут быть отнесены к разным типам эпики? Кажется бы, постановка этих вопросов не входила в круг задач, которые выдвинул Б. Н. Путилов, но все же без ответа на них кое-что остается неясным. Я говорю это не в порядке упрека, а потому, что рецензируемая работа выдвигает множество новых вопросов.

Удачно написаны разделы «Бой отца с сыном, дяди с племянником», и «Песни и былины о встрече братьев», в которых много тонких наблюдений над развитием отдельных сюжетных тем. Понятие «сюжетная тема» трактуется автором широко. По существу каждый раз речь идет об определенной системе. Автор вместе с тем ставит вопрос о своего рода иерархии эпических систем. Рассматривая эпические системы в динамике, Б. Н. Путилов в своем исследовании сочетает синхронный и диахронный аспекты.

Третья часть работы посвящена реально-историческому эпосу. Здесь рассматриваются косовский цикл южнославянского эпоса и былины об отражении татар. Из всего комплекса сложных проблем, связанных с этим типом эпики, Путилов умело отбирает именно то, что наиболее полно характеризует типологические схождения и приходит к выводу, что косовские песни и былины о татарском нашествии отличаются существенными особенностями и принадлежат к разным типам народной эпики. Верными представляются мысли автора о месте косовского цикла в южнославянском эпосе. В песнях о битве на Косовском поле, выросших на почве эпоса, отразился процесс преодоления эпического отношения к действительности и преобразования эпических форм ее изображения. Косовские песни были связаны не только с героической эпикой, но и с балладами и лирикой.

Заключая свой обстоятельный обзор, Б. Н. Путилов говорит о славянской эпической общности как о реальном явлении истории фольклора славянских народов. Он подчеркивает, что «эпическая общность обозначает такую степень взаимных отношений национальных эпических систем, при которых эти отношения приобретают характер органический, устойчивый и закономерный и охватывают, в сущности, все стороны эпического творчества» (стр. 310).

В краткой рецензии невозможно остановиться на всех проблемах, поднятых в книге Б. Н. Путилова. Думается, что значение ее выходит за рамки фольклористики. Она является новым глубоко обоснованным типологическим принципом изучения общественных явлений и показывает, как важны сравнительно-типологические исследования для решения конкретных исторических проблем, для раскрытия основных закономерностей развития литературы и фольклора, а также для понимания своеобразия отдельных художественных систем. Книга «Русский и южнославянский героический эпос» обогащает нашу науку новыми идеями, новым пониманием процессов развития эпоса и содержит в себе интересную интерпретацию ряда произведений славянского народного творчества.

М. Я. Гольберг

⁵ См.: Т. Маретич, *Naša narodna epika*, Beograd, 1966, стр. 169, 170, 336.

⁶ См.: «Эпос сербского народа», М., 1963, стр. 337 и 236—242.